

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.2.024
УДК 811.511.1'373.21 + 811.511.1'282 +
+ 81:39

В. В. Напольских

Удмуртский государственный университет
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ
Ижевск — Казань, Россия

ПРОРЫВ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕРЯНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ*

Рец. на кн.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. IV. Топонимия мерянского типа / А. К. Матвеев. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 313 с.

Четвертая часть монографии «Субстратная топонимия Русского Севера» выдающегося российского лингвиста А. К. Матвеева, вышедшая после смерти автора под редакцией О. В. Смирнова, является важнейшим вкладом в решение одной из сложнейших проблем предыстории Восточной Европы — проблемы языковой и географической привязки летописной мери и выяснения ее места в этнической истории России. Для решения этих задач А. К. Матвеев впервые системно использовал самый надежный источник — субстратную топонимию исторических мерянских земель. В результате оказалось возможным выявить ареал былого обитания мери, показать место мерянского языка среди финно-волжских языков, продемонстрировать наличие как минимум двух больших диалектных ареалов на мерянской территории. Кроме обзора книги А. К. Матвеева, в рецензии рассматриваются некоторые спорные моменты мерянской реконструкции и предыстории и намечаются перспективы дальнейших исследований.

К л ю ч е в ы е с л о в а: меря, исторические мерянские земли, мерянский язык, субстратная топонимия.

* Статья написана в рамках работы по проекту Российского научного фонда № 16-18-02007.

Рецензируемая книга, которую сам автор предполагал издать в 2011 г. (с. 10), подготовлена к изданию на основе частью написанного текста, а частью — черновых материалов и набросков благодаря скрупулезной работе научного редактора, ученика А. К. Матвеева, О. В. Смирнова. На с. 6–18 подробно описан характер использованных редактором рукописей и принципы публикации. Особенно сложной была задача публикации черновиков, составивших не менее четверти текста книги (с. 171–238), — как пишет редактор, «публикаторы идут на ощутимый риск, издавая черновые материалы, поскольку это может привести к справедливой научной критике относительно некоторых этимологических позиций. Однако публикация этой части книги необходима для придания цельности и относительной завершенности работы А. К. Матвеева» (с. 17). Думается, это совершенно правильная и оправданная посылка. Уход Александра Константиновича из жизни в 2010 г. помешал ему завершить эту работу прежде всего в ее заключительной, выводной части, и нам остается только предполагать, какие итоговые выводы мог бы сделать автор, как бы он, может быть, скорректировал те положения, которые содержатся в сохранившихся частях книги. Однако нет никакого сомнения в том, что даже в таком виде публикация данного труда абсолютно необходима и имеет огромное значение для исследования проблем реконструкции мерянского языка и его генетической аффилиации, для изучения субстратной топонимии и предистории Восточной Европы в целом.

Проблема языка летописной мери, который прекратил свое существование между XI¹ и XVII вв. (в начале XVIII в., когда начинается систематическое собирание данных о языках народов России, никаких следов живого мерянского языка никто уже не находил²), имеет старую историю; в рассматриваемой монографии она кратко обрисована на с. 32–34. С дореволюционного времени и вплоть до конца XX в. попытки дать хоть какую-то характеристику мерянскому языку строились на базе немногих исторических данных и субстратной топонимии исторических мерянских земель (далее — ИМЗ). Прежде всего на этой основе была сформулирована гипотеза о близости мерянского языка к марийскому; основными аргументами здесь были сходство этнонимов *меря* и *мари* и наличие, по крайней мере на востоке ИМЗ, гидронимов на *-Ингирь*, в которых видели отражение специфически марийского слова *эҥер* ‘река’, не имеющего надежных параллелей в других финно-угорских языках (раннее изложение гипотезы см. в [Кузнецов, 1], более критически аргументирована она в [Vasmer, 1935]). Однако ограниченное распространение названий на *-Ингирь* и наличие других типичных

¹ При Ярославе Мудром прекращаются упоминания мери в древнерусских документах и происходит, видимо, разрушение традиционной племенной мерянской структуры, сменяющейся древнерусским государственным «уставом» [Леонтьев, 1996, 278–285]. С другой стороны, язык еще существует, поскольку в житии ростовского епископа Леонтия говорится, что он хорошо владел *мерьским* языком (с. 40).

² Об этапах ассимиляции мери по историческим данным см. [Корсаков, 1872, 24–44].

мерянских топооснов, не имеющих прямых марийских параллелей, в дальнейшем привели исследователей к мысли об относительной обособленности мерянского языка в рамках финно-волжского круга языков [Попов, 1974]. В 1980-е гг. благодаря появлению работ О. Б. Ткаченко [1985; 2007] создалась иллюзия решенности мерянской проблемы: мерянский язык в интерпретации О. Б. Ткаченко предстал как достаточно своеобразный, но в целом вписывающийся в прибалтийско-финско-мордовскую группу и не обнаруживающий особой близости с саамскими и марийскими языками. Однако материал, на который опирался О. Б. Ткаченко, на самом деле едва ли позволял делать такие выводы, равно как и судить о характере мерянского языка вообще: опорой исследования служили данные русских диалектов ИМЗ и примыкающих к ним регионов и — едва ли не в первую очередь — арготические языки русского населения этих территорий (жгонский, офенский). Лексика арготических языков впитала в себя слова самого разного происхождения (например, греческого), и нет никаких оснований считать любое обнаруженное в этих языках слово неясного происхождения с возможными финно-угорскими параллелями непременно мерянским. Во всяком случае, О. Б. Ткаченко не предложил какой-либо методики вычленения именно мерянских слов в своем разнообразном материале. При этом важнейшие данные субстратной топонимии ИМЗ использовались им крайне ограниченно. Аналогичная оценка работ этого автора дана в рассматриваемой монографии (с. 34), и в связи с этим совершенно справедливо замечание А. К. Матвеева относительно того, что решение мерянской проблемы станет возможным только тогда, когда «будет решительно отброшен автохтонистский тезис о том, что на территории ИМЗ все звучащее не по-русски должно считаться мерянским по происхождению, и будут, соответственно, разработаны приемы отделения мерянского от немерянского» (с. 35).

Возврат к реальному обсуждению мерянской проблемы произошел во второй половине 1990-х гг. в дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы языкознания» [Альквист, 1997; 2000а; 2000б; Матвеев, 1996; 1998; 2001; Шилов, 2001], а затем продолженной в «Вопросах ономастики» [Хелимский, 2006; Матвеев, 2007; Рахконен, 2012], см. также [Ahlqvist, 1998; Альквист, 2001]. В ходе этой дискуссии по преимуществу именно А. К. Матвеевым были сформулированы важнейшие положения, которые затем отразились и в рассматриваемой работе: о месте мерянского языка среди финно-волжских языков и о наличии в древности внутри этого условного объединения иных не дошедших до нас языков, особенности которых не позволяют однозначно относить их к сохранившимся ныне группам; о неоднородности мерянской субстратной топонимии (возможности выделения нескольких ареалов) и, соответственно, о вероятных диалектных различиях в мерянском языке; о наличии особого нижнеклязьминского (муромского?) топонимического региона; о мерянских или постмерянских анклавах в топонимии Русского Севера, свидетельствующих либо о переносе мерянской топонимии на север, либо, что более вероятно, о переселении еще сохранявших

язык мерянских групп на север в ходе его русской колонизации. Рецензируемая книга во многом стала продолжением данной дискуссии, и эти наблюдения в ней развиваются и аргументируются.

Следует иметь в виду, что основные интересы А. К. Матвеева все-таки лежали в области топонимии Русского Севера и Урала, вследствие чего одной из главных причин его обращения к мерянской теме было выделение им в субстратной топонимии Русского Севера регионов (прежде всего среднеустьянского очага на юге Архангельской области) с характерными топоформантами (*-бал*, *-енгарь*, *-курга* и др.), которые сближаются с топоформантами ИМЗ [Матвеев, 1996]. Автору необходимо было уточнить, насколько реальна возможность аттестации этих топоформантов именно как мерянских: «главную цель своей работы он все-таки видел в выявлении доказательных связей субстратной топонимии Русского Севера и географических названий ИМЗ» (с. 37; см. также с. 7, 28–31). Но при этом та часть книги, которая была завершена Александром Константиновичем, посвящена именно выделению типичных мерянских топоформантов и основ. Таким образом, получается, что, не успев выполнить основную задачу, которую он ставил перед собой, — выяснить роль мерянского компонента в субстратной топонимии РС, — исследователь решил более важную задачу реконструкции мерянского языка по данным субстратной топонимии.

Первый раздел книги посвящен этнониму *меря*. Думается, автор совершенно правильно определяет наиболее вероятный поздний ареал расселения мери, исходя из присутствия этого этнонима в русских источниках и в топонимии. Небольшую поправку следует внести в вопрос о первом упоминании этнонима. Из присутствия мери в списке народов Германариха, конечно же, не следует «ее достаточно важная роль в бурных событиях VI в.» (с. 40): во-первых, «Гетика» Иордана действительно написана в середине VI в., но список народов Германариха, в котором находим *Merens* (< гот. AccPl **Merjans*), содержит информацию, относящуюся либо непосредственно ко времени правления Германариха, либо по крайней мере к периоду, когда готы еще не были вытеснены гуннами из северного Причерноморья, т. е., скорее всего, к середине — третьей четверти IV в.; во-вторых, поскольку список представляет собой итинерарий, описывающий путь по Волге от Балтики в Причерноморье, наличие в нем того или иного этнонима не обязательно указывает на значимость и политическую активность соответствующего народа [см.: Напольских, 2012]. Попытки автора рассмотреть вопрос о возможности связи между этнонимами *меря* и *черемис* (с. 41) также лишены смысла: у Иордана черемисов нет (*Imniscaris*, конечно же, происходит не от этого этнонима, а от **in Miscaris* ‘в Мещере’), и, как верно указывает сам А. К. Матвеев, *меря* и *черемисы* практически не пересекаются в русских источниках. Это неудивительно, поскольку восходят эти этнонимы к разным источникам: *меря* — по-видимому, к самоназванию соответствующей группы (ср. вывод на с. 42), а *черемис* — к тюркскому (изначально, видимо,

булгарскому или хазарскому) наименованию населения среднего Поволжья, скорее всего — предков марийцев. Само по себе высказанное в книге предположение о возможности переноса в XVI в. названия *черемисы* (являвшегося в это время не столько этнонимом, сколько обозначением групп населения Казанского ханства и сопредельных территорий, имевших особый сословно-политический статус) на какую-то часть сохранявшейся и переселившейся на восток мери (ср. аналогичное мнение в [Бахтин, 2012, 121]) принципиальных возражений не вызывает, но к истории и этимологии данных этнонимов отношения не имеет.

Безусловно, прав А. К. Матвеев, поддерживая точку зрения о происхождении самоназваний мери и марийцев (*мари*) в конечном счете из одного арийского источника (ар. **marya-* ‘юноша, член молодежного воинского союза’) (с. 43) и указывая на параллелизм в образовании ойконимов с использованием этого самоназвания в мерянской (типа *Локсомерь*) и марийской (*Кукмарь*, *Лумарь* и др.) традициях, что отделяет их от других финно-угорских народов (с. 44). Думается, сдвиг вокализма в **marya-* в мерянском можно объяснить не только несколько иным арийским источником, чем в марийском (А. К. Матвеев указывает ср.-перс. *mērak* (точнее, видимо, *mērag*) ‘юноша, супруг’ — с. 43), но и палатализацией под влиянием *-ya-* второго слога (см. ниже). Естественно, сказанное не означает тождества или даже непременно общего происхождения обоих народов (с. 45), однако об общности их исторических судеб и связях, безусловно, свидетельствует.

Итогом этнонимического обзора является карта топонимов, образованных от этнонима *меря* (с. 261, обоснование — с. 45–47). Принципиальное значение имеет то, что обрисованный на этой карте ареал оказывается достаточно широким и включает в себя как территории Волго-Окского междуречья, так и левобережье Волги до верховьев Костромы и низовьев Унжи, что позволяет искать субстратную мерянскую топонимию не только в обозначенных в русских летописях переславльско-ростовских пределах. Правда, автор не ставит вопроса о том, как давно возникли данные этнонимические названия: нельзя исключать, что на восток и север меря продвинулась относительно поздно, в ходе русской колонизации ИМЗ. Средствами ономастического анализа вряд ли можно решить эту проблему, а между тем она очень важна, поскольку, как показывает дальнейший анализ, восточный и северный ареал мерянского расселения обнаруживает некоторые отличия в типичных топоформантах от переславльско-ростовского. Стоит ли за этим наличие двух разных мерянских языковых / диалектных ареалов или же это объясняется присутствием на севере и востоке домерянского субстрата в топонимии — проблема, к решению которой предстоит обратиться, видимо, уже будущим исследователям.

Определив таким образом примерный ареал бывшего присутствия мери, автор переходит к выделению основных географических терминов в субстратной мерянской топонимии. Речь идет, собственно, о топоформантах, которые можно

относительно жестко связать с мерянской территорией и, основываясь на их употреблении и параллелях в финно-волжских или более отдаленных языках, реконструировать их значения. При этом корректно ставится вопрос о домерянском финно-угорском, *resp.* уральском субстрате и прибалтийско-финском адстрате на ИМЗ, вследствие чего предпочтение отдается не суффиксам или суффиксоподобным элементам, а именно основам, которые можно рассматривать как типичные географические термины (с. 53–54). Методология выделения именно мерянских терминов подробно излагается на с. 54–55.

Незаконченный характер рецензируемой книги и чрезвычайная сложность поднимаемых в ней вопросов, естественно, приводят к неоднозначности некоторых выводов. Ниже я выскажу несколько размышлений по поводу отдельных этимологических наблюдений и гипотез А. К. Матвеева, которые требуют дальнейшего обсуждения.

Выделение большинства типичных мерянских топоформантов возражений не вызывает. Несомненно, к их числу (как это полагал еще М. Фасмер и др.) принадлежит формант *-бол* *‘селение’ (с. 56–65, карта на с. 262), распространенный на всей территории ИМЗ. В обсуждении финно-угорских параллелей и реконструкции значения мерянского термина автор колеблется, но мне представляется, что применение этого форманта в ойконимах все-таки достаточно надежно указывает на его связь с венг. *falú* ‘деревня’ и его параллелями в (финно-)угорских языках [IEW, 351]. Однако не все приводимые А. К. Матвеевым параллели (с. 59) верны: безусловно, не имеют связи с венг. *falú* приводимые им саам. *bælle*, мар. *вел* ‘сторона, половина’ (~ удм. *нал*, венг. *fél* и т. д., как на с. 61); связь мерянского *-бол* с морд. *веле* ‘село’ (изначально, видимо, ‘община’, что отражено во внешних параллелях и в значении ‘пчелиный рой’ в мокшанском [Ibid., 822]) также не очевидна по вокализму. Поэтому, в силу слабой надежности параллелей за пределами угорских языков, следует иметь также в виду возможность индоевропейского (неарийского) заимствования в мерянском (греч. *πόλις*, др.-инд. *pūr*, иллир. **pol-* [IEW, 799; Mayrhofer, 2, 327]). Обращает на себя внимание преимущественная передача этого топоформанта со звонким *б*. Автор считает, что реконструировать следует все-таки мерянское **pāl* с глухим, что представляется не совсем доказанным: редкие формы с *n* (почти исключительно *-ин-*) в русской передаче могли возникнуть в силу ассимиляции **b* > **p* в данной позиции уже в мерянском или на русской почве (при полувзвонке слабом **b* в мерянском **bal*). Видимо, вопрос о возможности существования звонких смычных в анлауте в мерянском не должен считаться решенным, и, во всяком случае, следует принимать во внимание явную тенденцию к озвончению (ослаблению?) смычных в инлаутной позиции в мерянском.

Интересна предложенная А. К. Матвеевым этимология названия *Суздаль* из мерянского **suz-bol* ‘глухаринное поселение’ (с. 63–64). Думается, идея о возможности перехода в **suzdal* «по очень вероятной ассимиляции под влиянием

переднеязычных» неудачна, а вот мысль о том, что историческая форма названия города возникла из мерянского ойконима через посредство скандинавской народной этимологии (**suzbol* → **Suðrdalar* ‘южные доли’) вполне заслуживает рассмотрения.

Топоформант *-дом* (с. 65–72, карта на с. 263) принадлежит к тем формантам, которые характерны для северной и восточной части ИМЗ, встречается он почти исключительно на левобережье Волги. Реконструкция значения его как каритивного финно-угорского суффикса (фин. *-ton/-tön*, удм. *-tem* и др.), несмотря на некоторые сложности, пожалуй, вполне приемлема. Обращает на себя внимание озвончение смычного в инлаутной позиции (по крайней мере в интервокальной, а также после звонких и плавных согласных), аналогичное тому, которое имеет место в случае с *-бол*.

Один из самых очевидных примеров образований с этим суффиксом — широко распространенные онимы типа *Колдома*, которые А. К. Матвеев, на мой взгляд, вполне справедливо производит из финно-волжского, *resp.* мерянского **kol-tom(a)* ‘безрыбный’ (с. 70–71). Широкое распространение этих названий на Русском Севере неудивительно, они, видимо, лексикализировались в русских диалектах (ср. вят. *колтома* ‘конец населенного пункта’ [СРНГ, 14, 196]) и легко переносились на большие расстояния. Мне приходилось писать, например, о наиболее вероятном происхождении названия исторического района г. Ижевска *Колтома* как о результате контаминации этого русского слова и татарского *кул тамак* ‘овражное устье’ (район расположен у устья речки Подборенки, текущей по оврагу) [Напольских, 2015, 203–205]. Там же я указал и на возможную параллель к названиям *колд-*, бытующим на Русском Севере, о которых пишет А. К. Матвеев в рецензируемой книге, не предлагая этимологии (с. 71): ср. коми удор. *кывт* ‘тропа, проторенный след зверя’, которое, возможно, связано с коми *кывтны* / *кылтны* ‘плыть по течению’ (ср. р. *Кылт* в Удмуртии, р. *Кывтыва* в Республике Коми) или с коми *кӧвтны* ~ удм. *калтыны* ‘ловить рыбу бреднем / неводом’.

Классическим мерянским топоформантом является *-(V)xp(V)* ‘озеро’, что дополнительно обосновано на с. 72–82. Основной интерес представляет этимология этого термина, которая рассматривалась А. К. Матвеевым во втором томе монографии «Субстратная топонимия Русского Севера» [Матвеев, 2004, 263–268]. Сопоставление с фин. *järvi* ~ саам. *jaw're* ~ эрз. *erke* ~ мар. *jer* позволяет реконструировать, во-первых, мерянское **jäyrV* (допускаемая А. К. Матвеевым форма с задним вокализмом излишня: поскольку невозможно установить, было ли в мерянском противопоставление гласных по переднему / заднему ряду, следует опираться на данные внешнего сравнения) и, затем, общее финно-волжское **jäyre* / **jäwre* ‘озеро’. Вопрос о том, какая форма (с **y* или с **w*) была первична, автор решает, опираясь с типологической точки зрения на большую частотность перехода **y* > **w* по сравнению с **w* > **y*. Замечу, что переход **w* > **y* не является чем-то исключительным — по крайней мере, в анлауте исторически он произошел,

например, в валлийском и древнегреческом языках, поэтому данный аргумент не представляется достаточным. Наличие на Русском Севере более ранних фиксаций топонимов с *-VzрV-*, которые с XVII–XVIII вв. фиксируются уже с *-VзрV-*, скорее требует объяснения в области исторической фонетики русских диалектов, нежели, как это предполагает автор, в области процессов перехода в субстратном языке [Матвеев, 2004, 265]: вряд ли возможно предполагать сохранение такого языка и вторичное заимствование оного в русский вплоть до XVII в.! Ситуация же, когда в ареале топонимов на *-VзрV-* в низовьях Северной Двины встречаются названия на *-VzрV-* [Там же, 267], может быть объяснена топонимическим переносом, переселением каких-то групп с юга и т. п., а отнюдь не обязательно субсубстратным (более ранним) происхождением названий на *-VzрV-*. Эти соображения заставляют меня настаивать на финно-волжском **jāwre* (важно еще, что в прибалтийско-финском слове именно сочетание **-wr-* метатезировалось в **-rw-*: **torve* ‘пог’ ← балт. **taure* ‘то же’: лит. *taurė* и т. д.) и принятии старой [Būga, 1959, 273–275] (а вовсе не «недавно предложенной» [Матвеев, 2004, 267]) этимологии: из протобалтского **jeure-* ‘море’: лит. *jūra* ‘то же’ и т. д. < праи.-е. **euari* ‘то же’. Западное, заимствованное происхождение этого слова дополнительно аргументируется тем обстоятельством, что, по замечательному наблюдению самого А. К. Матвеева, оно вытеснило в западных финно-угорских языках старое название для ‘озера’, праур. **towe* [Матвеев, 1991, 13–15].

В связи с этой этимологией интересно поставить вопрос о происхождении названия озер *Неро*, которые А. К. Матвеев вслед за А. Л. Погодиным и др. выводит из мерянского (с. 139 *pass.*) **ner-* < **mer-* ~ фин. *meri* ‘море’, не соглашаясь с предлагаемой А. Альквист этимологией **(i)ń-jer(o)* ‘большое озеро’ (ср. эрз. *ine* ‘большой’, *erke* ‘озеро’ ~ мар. *jer* ‘озеро’). Совершенно справедливо, что в этом случае названия *Неро* можно считать мерянскими (см. выше о мерянском **jāyrV* ‘озеро’ — рефлексе того же корня, что и мар. *jer*), только предполагая возможность выпадения *-γ-* в ряде мерянских топонимов (с. 141–142), что возможно, но нарушает системность, — либо эти названия немерянские и восходят к домерянскому субсубстрату, как полагает А. Альквист (с. 139). Здесь я склонен согласиться с версией А. Альквист, имея в виду два дополнительных аргумента, которые в дискуссии, кажется, не выдвигались: во-первых, названия *Неро* относятся к крупнейшим озерам, и именно в этом случае следует ожидать сохранения древней субсубстратной формы; во-вторых, нужно иметь в виду названия рек *Нерль*, связанных с этими озерами, которые также могут этимологизироваться на основе мордовских параллелей: **(i)ń-jer(o)-le(j)* ‘река большого озера’ (эрз. *lej* ‘река’). Вполне возможно, что до мерянского на ИМЗ был распространен язык, входящий в мордовскую группу.

Объем журнальной статьи не позволяет остановиться на всем многообразии тем, проблем и находок, рассматриваемых в рецензируемой книге. Думаю, четвертый том «Субстратной топонимии Русского Севера» является поистине блестящим

завершением творческого пути великого ученого, прекрасного человека и Учителя, Александра Константиновича Матвеева, и послужит еще поводом для многих продуктивных дискуссий и гипотез. Жаль, что автору не удалось завершить этот труд, но даже в незаконченном виде он стоит сотен иных сочинений. Важно, что идеи книги уже начинают работать: продолжением многих из них, высказанных, а порою, в силу обозначенных выше причин, только намеченных в рассматриваемой монографии, стала, например, недавняя статья редактора рецензируемой книги, О. В. Смирнова [Смирнов, 2015], которая, несомненно, является лучшим из всего, написанного до сих пор по поводу меряньско-марийских языковых отношений и исторической марийской топонимики. Думаю, благодаря трудам А. К. Матвеева впереди нас ждет еще много интересных открытий.

Альквист А. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // *Вопр. языкознания.* 1997. № 6. С. 22–36.

Альквист А. Меряне, не меряне... (I) // *Вопр. языкознания.* 2000а. № 2. С. 15–34.

Альквист А. Меряне, не меряне... (II) // *Вопр. языкознания.* 2000б. № 3. С. 83–96.

Альквист А. Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // *Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны* / ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. СПб. : СПбГУ, 2001. С. 436–467.

Бахтин А. Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола : МарГУ, 2012.

Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. Казань : Университетская тип., 1872.

Кузнецов С. К. Русская историческая география : в 2 вып. М. : Синод. тип., 1910–1912.

Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси // *Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья.* Вып. 4 / отв. ред. Г. Е. Афанасьев, Ф. Дайм. М. : Ин-т археологии РАН, 1996.

Матвеев А. К. К лингвоэтнической идентификации финно-угорской субстратной топонимии // *Uralo-Indogermanica.* Ч. 1 : Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей : материалы 3-й балто-славянской конф. (18–22 июня 1990 г.) / ред.: В. В. Иванов, Т. М. Судник, Е. А. Хелимский. М. : [б. и.], 1991. С. 12–16.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // *Вопр. языкознания.* 1996. № 1. С. 3–26.

Матвеев А. К. Мерянская топонимия на Русском Севере — фантом или феномен? // *Вопр. языкознания.* 1998. № 5. С. 90–105.

Матвеев А. К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // *Вопр. языкознания.* 2001. № 5. С. 32–59.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004.

Матвеев А. К. К проблеме классификации языков субстратной топонимии Русского Севера // *Вопр. ономастики.* 2007. № 3. С. 14–27.

Напольских В. В. «Список народов Германариха» — готский путь от Ладogi до Кубани // *Уральский исторический вестник.* 2012. № 2 (35). С. 20–30.

Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань : Казанская недвижимость, 2015.

- Попов А. И. Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия / отв. ред. В. П. Кусков. Л. : Рус. геогр. об-во, 1974. С. 13–28.
- Рахконен П. Границы распространения мерянско-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне реки Оки // Вопр. ономастики. 2012. № 1 (12). С. 5–42.
- Смирнов О. В. «Марийская» гипотеза в исследовании топонимии Оки и Унжи и западные границы древнемарийской топонимии // Вопр. ономастики. 2015. № 2 (19). С. 7–61.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев : Наукова думка, 1985.
- Ткаченко О. Б. Исследования по мерянскому языку. Кострома : Инфопресс, 2007.
- Хелимский Е. А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопр. ономастики. 2006. № 3. С. 38–51.
- Шилов А. Л. О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // Вопр. языкознания. 2001. № 6. С. 13–27.
- Ahlqvist A. Merjalaiset — suurten järvien kansaa // Virittäjä. 1998. № 1. S. 24–55.
- Būga K. Kalba ir senovė // Būga K. Rinktiniai raštai. T. 2. Vilnius : Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1959.
- IEW — Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern ; Wien : Francke, 1959.
- Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen : Bd. 1–4. Heidelberg : Carl Winter Universitäts, 1956–1980.
- UEW — Uralisches etymologisches Wörterbuch : Bd. 1–3 / Hrsg. von K. Rédei. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1988–1991.
- Vasmer M. Beiträge zur historische Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. 1935. Bd. 19. S. 507–594.

Рукопись поступила в редакцию 12.07.2016

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

ар.	арийские языки	лит.	литовский язык
балт.	балтийские языки	мар.	марийский язык
венг.	венгерский язык	морд.	мордовские языки
вят.	вятские говоры русского языка	праи.-е.	праиндоевропейский язык
гот.	готский язык	праур.	прауральский язык
греч.	греческий язык	саам.	саамские языки
др.-инд.	древнеиндийский язык	ср.-перс.	среднеперсидский язык
иллир.	иллирийский язык	удм.	удмуртский язык
коми	коми языки	фин.	финский язык
коми удор.	удорский диалект коми-зырянского языка	эрз.	эрзянский язык

Прочие

AccPl аккузатив множественного числа

* * *

Напольских Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
 член-корреспондент РАН
 профессор кафедры культурологии
 Института социальных коммуникаций
 Удмуртский государственный университет
 426036, Ижевск, ул. Университетская, 1;
 научный сотрудник
 Институт археологии им. А. Х. Халикова
 АН Республики Татарстан
 420012, Казань, ул. Бутлерова, 30;
 заведующий лабораторией
 Казанский (Приволжский) федеральный
 университет
 420000, Казань, ул. Кремлевская, 18
 E-mail: vovia@udm.ru

Napolskikh, Vladimir Vladimirovich

DrHab, Corresponding Member of the Russian
 Academy of Sciences
 Professor, Department of Cultural Studies,
 Institute of Social Communications
 Udmurt State University
 1, Universitetskaya Str., 426036 Izhevsk,
 Russia;
 Research Fellow
 A. Khalikov Institute of Archaeology
 of the Academy of Sciences of the Republic
 of Tatarstan
 30, Butlerov Str., 420012 Kazan, Russia;
 Head of Laboratory
 Kazan (Volga Region) Federal University
 18, Kremlyovskaya Str., 420000 Kazan, Russia
 E-mail: vovia@udm.ru

Vladimir V. Napolskikh

Udmurt State University
 Kazan (Volga Region) Federal University
 A. Khalikov Institute of Archaeology
 of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
 Izhevsk — Kazan, Russia

A BREAKTHROUGH IN THE STUDY OF THE MERYA PROBLEM

Review of the book: Matveyev, A. K. (2015). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vol. 4: *Toponimiia merianskogo tipa* [Merya-like Toponymy]). Ekaterinburg: Ural University Press.

The fourth volume of the study *Substrate toponymy of the Russian North* written by the outstanding Russian linguist Aleksandr Matveyev and posthumously published by Oleg Smirnov is an important contribution to solving one of the most complicated problems of the East European prehistory which consists in the linguistic and geographical attribution of the Merya people and in understanding their role in the ethnic history of Russia. In order to achieve these goals, Aleksandr Matveyev systematically analysed the most reliable source which is the toponymy of the Merya people's historical settlement areas. This led him to trace the borders of the former habitat of the Merya people, to precise the place of the Merya language within the Finno-Volgaic group and to demonstrate the existence of at least two big dialectal sub-areas on the Merya

people's lands. In this review, the author discusses the results obtained by Aleksandr Matveyev, considers some specific problems of his reconstruction of the Merya people's language and prehistory and formulates some new questions for further investigations.

Key words: Merya, historical Merya areas, Merya language, substrate toponymy.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation (grant number 16-18-02007).

- Ahlqvist, A. (1997) Merianskaia problema na fone mnogoslownosti toponimii [The Merya Problem and the Multistratal Structure of Toponymy]. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 22–36.
- Ahlqvist, A. (1998). Merjalaiset — suurten järvien kansaa [Merya — the Great Lakes people]. *Virittäjä*, 1, 24–55.
- Ahlqvist, A. (2000a). Meriane, ne meriane... (I) [Merya or not Merya... (Part 1)]. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 15–34.
- Ahlqvist, A. (2000b). Meriane, ne meriane... (II) [Merya or not Merya... (Part 2)]. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 83–96.
- Ahlqvist, A. (2001). Substratnaia toponimiia Iaroslavskogo Povolzh'ia [Substrate Toponymy of Yaroslavl Area]. In A. S. Gerd, & G. S. Lebedev (Eds.), *Ocherki istoricheskoi geografii: Severo-Zapad Rossii: Slaviane i finny* [Studies in Historical Geography. The North-West of Russia: Slavs and Finns] (pp. 436–467). Saint Petersburg: SPbGU.
- Bakhtin, A. G. (2012). *Mariiskii kraj v XIII–XVI vekakh: ocherki po istorii* [Mari Region in the 13th–16th Centuries]. Yoshkar-Ola: MarGU.
- Būga, K. (1959). *Rinkiniai raštai* [Selected Works] (Vol. 2). Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
- Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of Russian Dialects] (Vols. 1–). Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
- Khelimsky, E. A. (2006). Severo-zapadnaia gruppa finno-ugorskikh iazykov i ee substratnoe nasledie [The North-Western Group of the Finno-Ugric Languages and the Substrate Heritage]. *Voprosy onomastiki*, 3, 38–51.
- Korsakov, D. A. (1872). *Meria i Rostovskoe kniazhestvo* [Merya People and Rostov Principality]. Kazan: Universitetskaia tip.
- Kuznetsov, S. K. (1910–1912). *Russkaia istoricheskaja geografiia* [Russian Historical Geography] (Vols. 1–2). Moscow: Sinod. tip.
- Leontyev, A. E. Arkheologii meri. K predistorii Severo-Vostochnoi Rusi [The Archaeology of Merya. Towards the Pre-History of the North-Eastern Rus]. In G. E. Afanasyev, & F. Daim (Eds.), *Arkheologiiia epokhi velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia* [The Archaeology of the Migration Period and the Early Middle Ages] (vol. 4). Moscow: Institut arkheologii RAN.
- Matveyev, A. K. (1991). K lingvoetnicheskoi identifikatsii finno-ugorskoi substratnoi toponimii [Towards the Linguistic and Ethnic Identification of Finno-Ugric Substrate Toponymy]. In V. V. Ivanov, T. M. Sudnik, & E. A. Khelimsky (Eds.), *Uralo-Indogermanica* (Vol. 1). (pp. 12–16). Moscow: [s. n.].
- Matveyev, A. K. (1996). Substratnaia toponimiia Russkogo Severa i merianskaia problema [Substrate Toponymy and the Merya Problem]. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 3–26.
- Matveyev, A. K. (1998). Merianskaia toponimiia na Russkom Severe — fantom ili fenomen? [Merya Toponymy in the Russian North — a Phantom or a Phenomenon?]. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 90–105.
- Matveyev, A. K. (2001). Merianskaia problema i lingvisticheskoe kartografirovaniye [The Merya Problem and Linguistic Mapping]. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 32–59.
- Matveyev, A. K. (2004). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vol. 2). Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta.

- Matveyev, A. K. (2007). K probleme klassifikatsii iazykov substratnoi toponimii Russkogo Severa [Towards the Classification of the Languages Reflected in the Substrate Toponymy of the Russian North]. *Voprosy onomastiki*, 3, 14–27.
- Mayrhofer, M. (1956–1980). *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen* [A Concise Etymological Dictionary of the Old Indic Language] (Vols. 1–4). Heidelberg: Carl Winter Universitäts.
- Napolskikh, V. V. (2012). “Spisok narodov Germanarikha” — gotskii put' ot Ladogi do Kubani [Ermanaric's List of Peoples — the Goths' Way from the Lake Ladoga to Kuban]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2 (35), 20–30.
- Napolskikh, V. V. (2015). *Ocherki po etnicheskoi istorii* [Studies on Ethnic History]. Kazan: Kazanskaia nedvizhimost'.
- Pokorny, J. (1959). *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch* [The Indo-European Etymological Dictionary]. Bern; Wien: Francke.
- Popov, A. I. (1974). Toponimika drevnikh merianskikh i muromskikh oblasteri [The Toponymy of the Ancient Merya and Muroma Peoples' Settlement Areas]. In V. P. Kuskov (Ed.), *Geograficheskaiia sreda i geograficheskie nazvaniia* [Geographic Environment and Geographic Names] (pp. 13–28). Leningrad: Russkoe geograficheskoe obshchestvo.
- Rahkonen, P. (2012). Granitsy rasprostraneniia meriansko-muromskikh i drevnemordovskikh gidronimov v verkhov'iakh Volgi i basseine reki Oki [Merya-Muromian and Old Mordvin Hydronyms Boundaries in the Upper Volga and Oka Regions]. *Voprosy onomastiki*, 1 (12), 5–42.
- Rédei, K. (Ed.). (1988–1991). *Uralisches etymologisches Wörterbuch* [The Uralic Etymological Dictionary] (Vols. 1–3). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Shilov, A. L. (2001). O merianskikh toponimicheskikh indikatorakh (golos v diskussii) [On Merya Toponymic Markers (A Contribution to the Discussion)]. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 13–27.
- Smirnov, O. V. (2015). “Mariiskaia” gipoteza v issledovanii toponimii Oki i Unzhi i zapadnye granitsy drevnemariiskoi toponimii [The “Mari” Hypothesis in the Study of the Toponymy of the Oka and Unzha Rivers and the Western Borders of the Old Mari Toponymic Area]. *Voprosy onomastiki*, 2 (19), 7–61.
- Tkachenko, O. B. (1985). *Merianskii iazyk* [The Merya Language]. Kiev: Naukova dumka.
- Tkachenko, O. B. (2007). *Issledovaniia po merianskomu iazyku* [Studies on the Merya Language]. Kostroma: Infopress.
- Vasmer, M. (1935). Beiträge zur historische Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen [Works on the Ethnic History of East Europe. Part 3: Merya and Mari Peoples]. *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*, 19, 507–594.

Received 12 July 2016